

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Penis captivus

«Известно, что оргазм не принадлежит ни к одному из органов чувств, но когда оргазм есть, он затмевает собой все остальные чувства» (Пол Джоанидис «Библия секса»)

«Это твой не входит, а мой входит, смотри Пятачок: входит и выходит, входит и выходит»

...В дверь постучали.

«Заходите», — Коротицкий встал из-за стола. Вошла соседка, держа за руку сынишку. Всхлипывая и упираясь, мальчишка тянулся за матерью, пряча за спиной левую руку.

«Что случилось, Аграфена?».

«Да вот, палец проколол», — она подтолкнула сына, и тот заревел в голос, обливаясь слезами.

«Чем?».

«Цепь проверял на велике. Подставил палец, его и затянуло на звёздочку, вот», — и она потянула левую руку мальчонки, приговаривая: «Давай сынок, пусть доктор посмотрит». Коротицкий, наклонившись к мальчику и поддерживая его руку, стал разматывать бинт с проступавшей кровью. Ребёнок дрожал, едва сдерживая рыдания.

Ранка, с уже запёкшейся кровью, на последней фаланге указательного пальца — была сквозной, но косточка была цела.

«Так, так, так... ихм, сейчас...», — и Коротицкий, повернувшись к буфету и открыв дверцу, достал флакончик с перекисью водорода, бинт и ножницы. Мальчишка видел только ножницы, в его глазёнках метался страх.

Улыбаясь и словно не замечая напряжения ребёнка, Коротицкий взглянул на Аграфену и, покачав головой, сказал: «Придётся отрезать». Пацан закатился в истерике.

«Алексей Иванович!», — укоризненно глядя на доктора, женщина гладила голову и плечи, жвавшегося в неё мальчишки.

Поняв, что переиграл, Коротицкий демонстративно, со стуком положил ножницы на стол, присел и, показывая бинт, сказал: «Мне нужно отрезать кусочек бинта, чтобы обработать ранку». Выпрямившись и, отрезав от бинта небольшой лоскуток, смочил его перекисью водорода и спросил: «Егорка, ты в садик ходишь, или ты уже большой?».

«Я... в первый... класс пойду, я... уже большой», — всхлипывая и вздрагивая, мальчишка чуть-чуть отодвинулся от матери.

«Ну, давай палец», — протирая ранку и видя, как кривятся губы ребёнка, добавил: «терпи казак, атаманом станешь».

Забинтовав палец, тронул Егорку за плечо и сказал: «Ну, всё казак; можешь седлать своего скакуна, только палец ему в рот больше не клади», — улыбнулся и, обращаясь к женщине, спросил: «У кого будет учиться, у Валентины Петровны или Натальи Васильевны?».

«Нет, классной будет Клавдия Николаевна», — ответила Аграфена.

«Пигуль?» — Коротицкий улыбнулся и его взгляд ушёл куда-то сквозь стену.

«Спасибо, Алексей Иванович, мы пойдём».

«Что? А, да да», — и, выйдя во двор, проводил до калитки.

***

Она проснулась от ругани и стонов, доносившихся из кухни и, сжавшись в комок, спряталась под одеяло.

«Ккуррва... нна, пррститутка... нна», — выкрики сопровождались глухими ударами. Вздрагивая от этих страшных звуков, девочка встала с кровати и вышла из комнаты. Мать, опираясь о пол, пыталась встать, а отец остервенело бил её сложенными в замок руками по спине и голове. Захватив волосы матери и, намотав на кулак, наотмашь, ударил в лицо. Охнув, и, закрыв лицо руками, она свалилась на пол. Отец пинал её, стараясь попасть в живот и в пах.

Завизжав, девочка бросилась на отца и, упёршись в него руками, стала отталкивать от матери. Он толкнул ее, и она упала, стукнувшись о ступеньку спиной и головой об дверь. Перед глазами поплыли круги, но она, преодолевая боль, встала и снова набросилась на отца. Оставив жену, он стал бить и пинать дочь. Теряя сознание, девочка услышала: «Поддай этой сучке, чтоб не лезла...».

Она пришла в себя и, дрожа от холода, села на полу. В спальне горел свет, слышалось шарканье и смех. Из приоткрытой двери полоска света пролегла по полу до стены.

Клавдия встала и, подойдя к двери, заглянула в щель; голая, с распущенными волосами, мать, сидела верхом на голом отце, а он бегал кругами по комнате на четвереньках. Мать хохотала и взвизгивала, когда он резко останавливался и разворачивался.

...

«Сейчас я начну считать до трёх. При счёте три ты услышишь негромкий хлопок», — Коротницкий легонько хлопнул ладонями перед лицом Клавдии: «и проснёшься с ощущением бодрости, силы, хорошего самочувствия! Когда ты проснёшься, ты забудешь всё, что происходило с тобой в ходе сеанса. Очень хорошо! Итак, я начинаю считать! Один! Твои мышцы, Клавдия, начинают наливаться силой!», — Коротницкий провёл ладонями по плечам женщины: «Ты сильная, умная, уверенная в себе женщина! Тебе всё по силам. Очень хорошо! Два! Твоя голова ясная, светлая! Голова лёгкая, безболезненная!», — Коротницкий коснулся головы женщины ладонью с лёгким, выдёргивающим вверх, движением: «итак, при счёте три ты услышишь негромкий хлопок и проснёшься с ощущением бодрости, силы, здоровья и происходящих в тебе конструктивных изменений! Итак, я говорю «Три!», — Коротницкий хлопнул ладонями.

Клавдия открыла глаза.

***

— Толяааа.

— Ты чё орёшь? — Кошайкин выглянул из-за шкафа — Наверху он. Цепь полетела на транспортёре. Чё хотела?

Кошайкин знал, чё хотела Любка. Любка знала, что Кошайкин знает.

«Ну и пусть». — Скажи, что я заходила.

— Иди, не до тебя. У нас план — и вернулся к шкафу.

Любка вышла и, постояв минуты две, пошла к себе в весовую. Месячные закончились позавчера, матка сокращалась, и влагилице горело желанием. С Толькой она договорилась с вечера, сказав, чтобы пришёл к ней в весовую в три часа ночи. Не дождавшись, пошла сама.

Воздух, напившись сыростью тумана, ползущего от пруда, был противно холодным, и Любка куталась в телогрейку. На Заречной прокричал первый петух, ему откликнулся другой.

«Четыре часа» — тоскливо подумала Любка — «чёрт хромой, шёл бы уже домой свиней кормить» — и, пнув дверь, вошла в свою каморку.

Заменив лопнувшее звено и установив цепь на звёздочки, Толька спустился вниз.

— Любка не заходила?

— Всё? Можно включать?

— Да включай, дядь Петь, включай. Любка, спрашиваю не заходила?

Кошайкин закрыл дверцы электрошкафа и нажал синюю кнопку с надписью «Нория I». Подойдя к шахте нории, прислушался к работе транспортёра и, удовлетворённо кивнув, бросил: — Запускай котёл.

Только подошёл к котлу, включил горелку и насос. Котёл, утробно, с воем загудел, стрелки манометров на приборной панели, дёрнувшись вверх и качнувшись назад, застыли, ожидая, когда поднимется давление.

— Я пойду, сына надо проведать, да свиней покормить... заходила... ты в каком классе учился, когда Степан повесился?

— В четвертом — Только догадывался, к чему клонит Кошайкин.

— Хороший был мужик, не пьяница, грамотный и работающий, да баба слаба на передок оказалась: таскалась со всеми подряд. И бил он её и уходил; да, видно, сердцем присох, вот и наложил на себя руки от безысходности. Тут, по весне, ты ещё с армии не пришёл, бригада шабашников летники строила. Все на неё слазили. Кто-то и наградил триппером. отпуск и закачусь в тайгу на охоту», — размечтавшись, не услышал, как с ним поздоровались.

«Только!»

Он обернулся.

Во дворе дома, Клавдия, снимала с верёвок высохшее за ночь бельё и увидела проходящего мимо одноклассника. Она поздоровалась с ним, но тот даже не обернулся. Тогда, выйдя за калитку, она окликнула его.

«Клавка! Постой, ты же учиться должна, в городе».

«Отучилась. Буду в школе работать. Завтра к директору пойду, заявление писать. Кто у вас тут директор школы?»

«Ой, ну не придуряйся, ну кто у нас ещё может быть, Иван Кузьмич, конечно. А тётя Валя где?».

«Уехала к тётке в гости. Послезавтра вернётся».

«И ты не пригласишь меня?», — Только усмехнулся, заглядывая в глаза.

Сердце трепыхнулось и заколотилось, толкая кровь, удушливой волной нахлынул жар и, растекаясь по жилам стёк к животу. С усилием отведя глаза, Клавдия ответила, — Знаю я, что у тебя на уме, под юбку полезешь, бабник.

Русоволосый статный красавец, с голубыми, как весеннее небо, глазами и бархатным, завораживающим баритоном: по нему сохли все старшеклассницы в школе. Но, Только, мокрощелки, как он говорил об одноклассницах, не интересовали.

— Дай хоть воды попить, — и... шагнул к калитке.

***

Зачерпнув ковшиком воды из ведра на кухне, подала ему. Он взял двумя руками, захватив и её ладони, и потянул ко рту. Она не удержалась и шагнула, приблизившись вплотную и, ткнувшись коленом у него между ног. По телу пробежала судорога, грудь стеснило; а он пил жадно, торопливо, проливая воду, не отпуская её ладони. Допив, опустил руки и она, не удержавшись, левой рукой провела по его губам и подбородку, стирая капельки. Он, задержав её руку, целовал пальцы, щекоча дыханием ладонь. Она, вдруг, услышала, как запульсировала кровь, приливая к лобку, наполняя губы и сокращая матку, его колени

ткнулось в промежность..

Левой рукой он обнимал её, а правой мямлил груди... закрыв глаза, гладила его спину и, раздвигая ноги и, поднимая их, впиалась пятками в ягодицы, вдавливая в себя... скользнув правой рукой по животу и отклонившись влево потянул её за собой... гладил попу и пальцем водил по ложбинке от ануса к влажному набухшему влагалищу и захватывая мошонку прижимал яички к ягодицам... опустив левую руку и втиснув под его живот пальцем шупала твёрдую как камень плоть и, раздвигая вульву, коснулась клитора... и отстранившись и приподнявшись ждал когда повернётся и ляжет на живот и опустившись погрузился в липкую мякоть влагалища сжимая её плечи и двигаясь медленно и ритмично... и опираясь левой рукой просунул правую под её живот и нащупав пальцем припухший клитор гладил и тёр его... и застонав, выгнулась станом навстречу, чувствуя как хватает матка и сокращается влагалище, сжимая погружающийся член и охнула от боли, когда головка, через стенку влагалища ткнулась в мочевою и, когда он вышел из неё, снова повернулась и легла на спину разведя ноги и, выгибаясь навстречу его движениям и, опускаясь, со стоном, прикусила губу и, закрывая глаза, хрипела, задыхаясь... и

— Есть кто дома?

Клавдия вскрикнула от, резанувшего влагалище и промежность, спазма. Толька резко дёрнулся и застонал, лицо перекопилось от боли.

Соседка, тётя Шура, стояла в проёме комнатной двери и, зажав рот рукой, смотрела на любовников, округлившимися глазами.

Толька снова дёрнулся, пытаясь выволить член из плена, и снова, острая боль в паху, перекопсила его лицо.

— Сука, ты меня склешила — и, повернув голову, бросил: — чё ты пялишься, иди к врачихе.

***

Глафира Лукинична, с глазами, опухшими от слёз, сидела за столом и в сотый, уже, наверное, раз, перечитывала строки из письма: «Дорогая Рафа, я сдала Линушку в Краснодаре. Меня на вокзале встретили сотрудники, которые вас взяли в Сочи. Виру я оставила с лицами, сопровождавшими меня от Сочи до Краснодара. В Сочи у меня взяли подписку не упоминать нигде фамилии Блюхер... Поэтому в НКВД я сдавала Лина под вашей фамилией — Безверхов Василий Васильевич, а также и Виру... Думаю, что Лина кто-то усыновил. Думаю так потому, что он был хороший и спокойный мальчик... «. *

После ИТЛ она жила на поселении, на одном из отделений целинного совхоза. Работала по специальности, главным ветеринаром, а, из-за нехватки, после войны на селе специалистов, подрабатывала фельдшером в медпункте.

В дверь постучали.

— Входите, — Глафира Лукинична свернула письмо.

— Что случилось, Шура?

— Там... этот... кобель... Клавку... — Шура осеклась.

— Покусал, что ли?

Шура замотала головой: — кобель этот с Клавкой склеился — и, опять замолчала.

— Какой кобель, как склеился?

— Да Толька, кобелина этот, с Клавкой... Ой, срам то какой.

— Penis carptivus. Быстрее — Глафира Лукинична, обувшись в калоши, вышла во двор. Шура, шевеля губами, семенила следом.

***

Глафира Лукинична гладила по голове Клавдию и говорила спокойно и негромко.

Шуру она выставила за дверь.

— Сейчас вы вместе повернётесь на бок.

Они легли боком.

— Отстранитесь немного друг от друга, мне нужно пощупать живот — и она прижала ладонь левой руки к животу Клавдии.

— Напряги живот, как будто хочешь какать, напрягайся сильнее, тужься, вот так, теперь расслабься и, ещё раз — и она, резко, ввела средний палец правой руки, девушке в анус, с нажимом на кобчик. Только дёрнулся и, освободившись, сразу же сел, прикрывая руками распухший и посиневший член. Клавдия, стгорая от стыда, лежала, уткнувшись в подушку.

— Ну-ка — Глафира Лукинична развела руки Анатолия.

— Тебе повезло, boyfriend. Ещё семь-десять минут плена и ты бы стал импотентом. На всю оставшуюся жизнь. Сделай холодный компресс, через несколько дней опухоль пройдёт — и, вымыв руки под рукомойником, вышла из дому.

— Шура — Глафира Лукинична строго смотрела в глаза женщины, — я понимаю, тебе не терпится разнести это по соседкам.

Шура замотала головой, а глаза бегали из стороны, в сторону, выдавая нетерпение.

— Но, подумай, что будет с девушкой, какая пойдёт по деревне молва. Ей уже нестерпимо стыдно от того, что мы, стали свидетелями. Косой взгляд, ухмылку она будет воспринимать как насмешку; любую недомолвку — намёком.

— Шура, — Шура подняла глаза. Медленно, с паузами, Глафира Лукинична проговорила — ты... никому... и... ничего... не... р а с к а ж е шь. Иди. Забудь и сделай. Иди. Шура повернулась и пошла.

***

Быстро одевшись и, не сказав ни слова, Анатолий вышел из дому. Боли в паху не было.

*Николай Великанов. «Измена маршалов»

22.09.2013